

ЭНТОНИ ГИДДЕНС
Трансформация интимности.
Сексуальность, любовь и эротизм
в современных обществах

СПб.: Питер, 2004.
Перевод с английского В. Анурин

Когда речь заходит о половом различии, редко кому удается сохранить беспристрастную позицию и остаться исключительно в рамках той установки, о которой замечательно сказал Барух Спиноза – не смеяться, не плакать, но понимать. В этом смысле данная книга по праву может считаться такой редкостью и, безусловно, порадовала бы Спинозу.

В центре внимания – трансформации, происходящие в сфере интимности в современных обществах. Сразу же стоит оговориться, что для «неомодерниста» Гидденса речь идет не о всех существующих в данный момент обществах, а о таких «позднего модерна». Соответственно, в тексте прослеживается процесс модернизации приватной жизни в его тесной связи с вопросами рефлексивности и идентичности. Социализация процессов, которые в традиционных обществах считались «естественными», «природными» – это один из отправных пунктов модернизации. Так, наряду с понятием биологического пола появляется понятие гендера, т. е. социального пола, конструируемого культурой и социумом. Социализация воспроизводства приводит к высвобождению сексуальности из замкнутого круга репродукции и ее тесной связи со смертью. А поскольку сексуальность понимается как «первичный связующий пункт между телом, самоидентичностью и социальными нормами» (с. 43), рассмотрению генезиса сексуальности уделено особое внимание.

Эта книга вносит свой вклад и в раскрытие эмоциональной истории современных западных обществ, которая известна главным образом в той мере, в какой присутствует в феминистской литературе. При этом особое значение отводится тому, что все большую роль начинает играть «эмоциональное осуществление личности», в силу которого должны произойти трансформации как современных институтов, так и социального мира в целом, поскольку оно должно «децентрировать» принцип максимизации экономической прибыли, составляющий ядро современных институтов.

В предложенном Гидденсом анализе можно выделить три уровня: личностный, институциональный и социально-политический. Конечно, это разделение условно, поскольку каждый уровень представляет собой лишь определенный угол зрения на один и тот же феномен.

Главное изменение на личностном уровне — это трансформация этики личной жизни. Центральным здесь является концепт «чистых отношений». Это самоценные отношения, в которые вступают свободно ради взаимных выгод и которые длятся до тех пор, пока есть обоюдная заинтересованность в них, в отличие от представлений о браке как о долге и обязательствах. Ключевой для чистых отношений является чистота эмоциональной связи партнеров, при этом «чистота» не имеет никакого отношения к пуританству, а предполагает, что отношения или связь являются целью сами по себе, а не средством для достижения других целей. Диалог, коммуникация равных и заинтересованных в том, чтобы узнавать, а не придумывать друг друга — это основа, на которой они выстраиваются. Чистые отношения понимаются как некоторый идеал, который может реализовываться как в любовных и сексуальных отношениях, так и в отношениях между родителями и детьми, в дружбе и т. д. Модель чистых отношений в любви воплощается как любовь-слияние (confluent love)¹. Взаимное открывание себя другому и открытость будущему являются существенными характеристиками любви-слияния и отличают ее от проектирования другого и развития будущих событий в романтической любви. При этом открытость не означает отсутствия границ, ведь это привело бы к растворению в другом. Как раз наоборот — она предполагает обозначение личностных границ, позволяющих понимать друг друга в подлинной коммуникации. В отличие от романтической любви, предполагающей, что «есть кто-то особенный и только он/а и навсегда», «местом» особенности и отличительности становятся сами отношения. Кроме того, важно подчеркнуть, что любовь-слияние не имеет сущностной связи с гетеросексуальностью, здесь сексуальность понимается как одна из характеристик партнера, которая подвержена развитию и переработке и может быть рефлексивно освоена и изучена. Как раз гомосексуалы, по Гидденсу, были первопроходцами в сфере чистых отношений. Геи (причем, и мужского, и женского пола), вступая в связь и поддерживая ее, не имея при этом образцов, на которые можно было бы ориентироваться, вынуждены были создавать новые формы отношений на основе межличностного равенства.

По мере того как воспроизводство социализируется, родство и этические обязательства индивида по отношению к членам системы родства тоже перестают восприниматься как «естественные» или «богом данные», определяясь, скорее, качеством связи. «Природа этих связей меняется по мере того, как они подвергаются большему, нежели прежде, воздействию переговорного процесса» (с. 114). Доверие больше не является само собой разумеющейся основой родственных связей, но само «становится предметом переговоров и сделок, равно как привязанность и сексуальные отношения». В чистых отношениях отношения с родными не задаются, а выстраиваются. Эмоциональная связь лишь тогда «чиста», когда в ее основе лежит эмоциональная независимость.

Гидденс особенно подчеркивает, что в современной этике следует учитывать роль эмоциональности. Вопрос выработки критериев оценки эмоций становится вопросом жизненной политики. «Модель любви-слияния предполагает этический каркас воспитания не-деструктивной

эмоции в поведении индивида и общинной жизни» (с. 207). Создание новых этических норм, адекватных современным трансформациям, предстает в качестве одной из первостепенных задач.

Отдельный интерес представляет гиденсовский анализ пагубного пристрастия, который привлекается к рассмотрению для того, чтобы продемонстрировать его сущностную взаимосвязь с выбором жизненного стиля и идентичностью самости, а также показать, как возможно освобождение личности от того, что блокирует ее автономное развитие. Пагубное пристрастие характерно только для посттрадиционного общества и косвенным образом указывает на центральное значение рефлексивного проекта самости в современном мире. Для осуществления проекта самости существенную роль играет выбор, которому противоположно пагубное пристрастие. Однако, это вовсе не означает, что пагубное пристрастие бессознательно. Наоборот, в его основе лежит более или менее интенсивное осознание недостатка автономии, о котором свидетельствует попытка решить более глубинную проблему целостности самости путем рутинизации пагубного пристрастия. Точнее, это отказ от самости, способ терять себя в чем угодно с целью уклонения от действительности реальной проблемы — необходимости постоянно переписывать прошлое для того, чтобы осваивать открытое и всегда непредсказуемое будущее. Именно поэтому автор характеризует пагубное пристрастие как «неспособность освоить будущее» (с. 97). В тесной связи с понятием пагубного пристрастия находится понятие созависимости (codependence), которое характеризует личность, нуждающуюся в другом как в том, кто является источником онтологической безопасности личности. Это понятие характеризует и сами отношения такого рода.

При рассмотрении изменения институциональной формы совместной жизни, автор сосредоточивает внимание на том, как под воздействием распространения идей романтической любви и отделения сексуальности от функции воспроизводства возникают семья, центрированная вокруг эмоциональной связи супругов, и последующие трансформации брака, приведшие к современным «отношениям». Гидденс не оставляет без внимания и воздействие этих изменений на другие институты общества.

Отдельное внимание уделяется анализам Фуко, где сексуальность показывается как социальный конструкт, определяемый и иницируемый не столько физиологическими потребностями, сколько полями власти. Автор, в целом принимая аргументацию Фуко, помещает ее в несколько иной контекст, в котором удерживается и рассматривается связь сексуальности с романтической любовью.

Для романтической любви (идея которой формируется и становится популярной с конца XVIII в.) характерно то, что с появлением разделения жизненных сфер на работу и дом изменяется само устройство дома — распространяется идея домашнего очага как особого места, где индивиды вправе рассчитывать на взаимопонимание и эмоциональную поддержку, а, главное, отношения семейной пары вычлняются из более широкого круга родственных связей и приобретают особую значимость. При этом претерпевают серьезные изменения отношения между родите-

лями и детьми, и появляется то, что многие исследователи называют «изобретением материнства» и что в первую очередь связано с уменьшением размера семьи в современном обществе и идеей развития и поддержания эмоциональной связи матери и ребенка. Все это, по мнению Гидденса, ведет к увеличению рефлексивности и является большим шагом на пути превращения идентичности из данности в открытый проект.

На этом основании Гидденс критически размежевывается с Фуко по следующим пунктам:

1. Сексуальное развитие нужно рассматривать не только как *дискурс* сексуальности, вторгающийся в социальную реальность и структурирующий ее согласно имманентному разворачиванию «знания-власти», но и как институциональную рефлексивность. *Институциональную* потому, что этот феномен «является базовым структурным элементом социальной активности» (с. 55) в современности. *Рефлексивность* потому, что трансформации, происходящие под воздействием понятийного осмысления социальной реальности, имеют место в силу того, что сами понятия «являются частью паттернов действия, выбираемых индивидами и группами» (там же).

2. Феномен самости в современных обществах следует рассматривать не просто как продукт, конструируемый «технологией», но важно учитывать «открытый» характер самоидентичности и рефлексивную природу тела» (с. 57), т. е. понимать самость как рефлексивный проект. Для Гидденса важно подчеркнуть, что в посттрадиционном обществе тело является не только средоточием административной власти (Фуко), но, одновременно, и интегрирующим началом идентичности самости. При этом ответственность за тело все в большей степени вручается самости, тело больше не природная данность, но зависит от выбора жизненных стилей (диеты, спорт и пр.)

Отделение сексуальности от функции воспроизводства высвобождает сексуальность и вместе с тем полагает начало процессу стирания разделения женщин на «чистых» (для продолжения рода) и «нечистых» (для *arg eotica*); из человека подчиненного (что в ряде стран было закреплено юридически и косвенно видно из самой классификации, уподобляющей женщин средству «для») женщина становится равноправным партнером. Этот долгий процесс приобретения, рефлексивного освоения и признания автономии еще не завершен окончательно, но здесь важно, прежде всего, юридическое и этическое закрепление женской автономии. Помимо этого, социализация воспроизводства подразумевает, что гетеросексуальность больше не может выступать в качестве эталона, но становится одной из возможностей наряду с другими, которые самость может осваивать. Такое положение дел Гидденс называет *пластичной сексуальностью* (это один из центральных концептов книги).

Какие изменения современных институтов влечет за собой утверждение и распространение чистых отношений и пластичной сексуальности? Гидденс возлагает надежды на то, что это станет одним из главных двигателей демократизации демократий во всем мире.

Автор проводит параллель между чистыми отношениями и демократией в обществе, указывая на совпадение характеристик чистых отношений и ценностей политической демократии. Последняя глава книги так и называется: «Интимность как демократия». Равенство прав и обязанностей, открытый диалог, доверие не как само собой разумеющееся, но как вырабатываемое, достигаемое ценой огромных усилий, толерантность, утверждение плюрализма и создание условий для реализации принципа автономии – вот то общее, что присуще человеческим отношениям в эпоху демократизации демократии. Радикальная демократизация личностной сферы – это своего рода социальная революция, идущая снизу. Признание сексуального плюрализма одновременно является политическим жестом. Равноправие женщин рассматривается как движущая сила демократизации в бедных странах, а реализация равноправия неизбежно влечет за собой изменения традиционной семьи. «Демократия чувств в повседневной жизни», – пишет Гидденс в более поздней работе, – «находится на переднем крае борьбы между космополитизмом и фундаментализмом»², поскольку последний, особенно в религиозной версии, является ярким противником утверждения равноправия полов и сексуальной свободы женщин.

Следует выделить особо стилистические достоинства книги: она легко читается и не страдает вычурной специальной терминологией, а красочные примеры из социологических исследований вносят свою весомую лепту в простоту восприятия материала. И все-таки, читать ее лучше на языке оригинала. Переводческие огрехи порой довольно курьезны. Так, например, на ст. 77 переводчик предлагает вниманию читателя такую фразу: «погиб в случайном происшествии». Или: «почитатели Фуко будут несчастны» (с. 44). В других случаях переводчик увлекается филологическим анализом пикантных грамматико-семантических аспектов английского выражения «иметь секс»: в смысле «иметь пол» (с. 50) и в смысле «вступить в половую (сексуальную) связь» (с. 87). Наконец, стоит указать на недоразумение, возникающее при чтении аннотации, где говорится, что эта книга – «одна из последних работ выдающегося английского социолога Энтони Гидденса». На самом деле она вышла в 1992 году, и с тех пор Гидденсом было написано более десятка других, не менее интересных и значимых книг.

Примечания

¹ По-русски звучит обманчиво, как если бы предполагалось единство и растворение друг в друге, характерные как раз таки для романтической любви.

² Гидденс Э. *Ускользающий мир: как глобализация меняет нашу жизнь*. М.: Весь мир, 2004 с. 79